

4 апреля 2003

Прямой эфир радиостанции Эхо Москвы

А. КЛИМОВ 14:08 почти уже минут, в студии Александр Климов, добрый день, у нас в гостях на "Эхе" в прямом эфире Дмитрий Хворостовский. Д. ХВОРОСТОВСКИЙ
Здравствуйте.

А. КЛИМОВ: Знаменитый певец, баритон, который нечасто бывает в нашей стране. С чем на этот раз?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: С чем на этот раз? На этот раз я приехал с концертом в Кремлевском дворце, я пою программу из оперных арий, и во втором отделении будет звучать военная программа, песни военных лет.

А. КЛИМОВ: Это один день будет продолжаться или это серия концертов?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, это один концерт.

А. КЛИМОВ: Почему песни военных лет?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Дело в том, что в июне я записал альбом с этими песнями, почему я записал, так вот пришло мне в голову, когда я подумал о том, какая вообще интересная программа могла бы получиться из тех песен, которые уже сейчас становятся или уже стали классическими, что ли, это часть нашей истории, часть нашей привычной музыки. Я подумал, почему бы мне не записать? В принципе многие очень классические певцы, оперные певцы, исполняли такую музыку, эти песни в свое время. Певцы даже из Большого театра пели. И в общем я, когда начал выбирать репертуар, мне попались очень интересные песни, например, такая, которую исполнял Ножкин из кинофильма "Освобождение" - "Последний бой". Я подумал, почему бы мне не исполнить? А т.к. в принципе это совершенно не далекое от моего амплуа, песни, которые предполагают, скорей всего, знаете, такую декламацию актерскую, Ножкин потрясающий актер, великолепно действующий словом, поэтому у него так хорошо и получилось, и для меня это был некоторый вызов, что ли, смогу ли я. Я еще хотел исполнить песню Высоцкого "Не вернулся из боя", попробовал, но не стал петь, а вот на Ножкине остановился. И записал ее, и в принципе она не терроризм, по моему мнению, но по мнению моих знакомых, моих коллег, песня эта получилась очень хорошо.

А. КЛИМОВ: А какие еще песни военные?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Вы назовите песню, я вам скажу, практически попадете с первого раза.

А. КЛИМОВ: "Землянка", из "Белорусского вокзала"?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, из "Белорусского" нет. В основном, это традиционные песни, которые были написаны или в военное время, или послевоенное время. Кстати, еще есть "На сопках Манчжурии", есть песня, кстати, которая был написана в 1905 или 1904 г., причем я ее исполняю с оригинальным текстом, который очень красивый, там идет некоторый революционный пафос, но я намеренно оставил этот текст, который был или утерян, или просто не исполнялся, а исполнялся другой текст. Кстати, Иван Семенович Козловский исполнял эту песню с совершенно другим текстом. Мне очень интересно было. И потом, я подошел к аранжировке, что ли, этой песни, тоже немножко необычно исполняется. Мне очень нравится. Чем больше я ее не то, что слушаю, а чем больше пытаюсь исполнять ее для себя, готовясь к этому концерту, тем больше эта песня для меня раскрывается, очень много в ней скрытого.

А. КЛИМОВ: Эта программа специально для Москвы или повезете ее дальше куда-то?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я не знаю, сначала мне нужно посмотреть, как это звучит, и вообще попробовать себя в этом амплуа. Наверняка вызовет это определенный поток критики, особенно со стороны ревнителей поп-культуры, т.к. естественно не следует совать нос не в свои дела, но, тем не менее, я считаю, что вполне можно это попробовать.

А. КЛИМОВ: Я не думаю, что будет, как Вы говорите, шквал критики, но посмотрим действительно.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Посмотрим.

А. КЛИМОВ: Какого числа все это будет?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: 8-го.

А. КЛИМОВ: Вы много работаете за границей, здесь, я уже сказал, бываете наездами, да, можно так сказать? Нет желания вернуться?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я сюда приезжаю, бросьте, прекратите, я сюда приезжаю настолько часто, что можно сказать, что я здесь работаю чаще, чем в других странах. Россия это моя родина, конечно, я сюда приезжаю, просто каждый мой приезд сопровождается определенной новостью, что ли, я не могу просто приехать и петь одно и то же. Каждый раз я приезжаю или с новой программой, с чем-то новым, с чем-то совершенно недавно найденным и показываю это московской публике или петербургской, или русской публике с большим волнением. Так что не наезжаю, не приезжаю. Я здесь, Россия входит в первую очередь в зону моих интересов, и я отношусь к этому с полной серьезностью.

А. КЛИМОВ: А все-таки, для сравнения, можно сравнить работу за рубежом и работу здесь? Есть отличия?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Прекратите сравнивать, когда вы прекратите сравнивать работу за рубежом и здесь, тогда вы сами почувствуете, что живете в цивилизованном обществе, Москва, особенно Москва и Россия достаточно цивилизованны, особенно говоря, несомненно, о культурной жизни нашей страны, поэтому когда эти мерки уйдут здесь и там, тогда будет все хорошо. А пока будет там и здесь, будет плохо.

А. КЛИМОВ: Хорошо, здесь есть в России театры, я имею в виду оперные театры, в которых петь не приходилось, но очень хотелось бы?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Наверное, есть, но пока что я не считаю для себя нужным петь в оперных театрах в России, я пою на концертах, мне так легче. Мне больше нравится.

А. КЛИМОВ: А предложения были от постановщиков на участие в опере?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Совсем недавно Франческа Замбелло мне позвонила, вернее, послала электронную почту, письмо написала приглашаю попробовать свои силы в "Огненном ангеле" Прокофьева в Большом театре. Но т.к. я в "Огненном ангеле" не пою и пока что не собираюсь петь, так же, как в принципе и в Большом театре, я пока что не планирую петь. Я отклонил это предложение.

А. КЛИМОВ: А было желание самому попробовать себя в качестве постановщика?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Что Вы говорите, нет, пока что такого желания у меня не появлялось, что Вы, нет. Для этого нужно иметь и знания, и образование, и талант, самое главное. Хотя в принципе многие певцы, прожившие певцы, опытные, ставят, но практически никто не добивался определенных успехов, даже Тито Гобби.

А. КЛИМОВ: А из тех, с кем Вы работали, из режиссеров, я не знаю даже, как сказать, Вы сейчас опять обидитесь, все тираны?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Из режиссеров?

А. КЛИМОВ: Да, из режиссеров, с которыми все один раз отработал, все никогда?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Почему я должен обижаться на то, что режиссеры тираны? Какое отношение имеет ко мне? В основном, конечно, большие режиссеры, с которыми я работал, они немножко такие, знаете, личности, неординарные, поэтому с ними сложно объясняться или сложно находить контакт, но в принципе задача режиссера как раз и найти контакт с артистами, чтобы был результат лучше. Поэтому, в общем, это абсолютно с обоюдной стороны должна проходить работа. Иногда, когда контакта не находится, получается такое, знаете, нечто дерьмовое на сцене, это никому не нравится.

А. КЛИМОВ: Есть работы, за которые потом стыдно было?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, конечно.

А. КЛИМОВ: Какие?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Что, вы хотите, чтобы я вам перечислял работы, за которые стыдно?

А. КЛИМОВ: Какие? Скажем, не стыдно, но переделал бы, не так?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я бы переделал? Несомненно, каждую работу анализируя по прошествии времени, есть такое ощущение, что сделал бы это иначе, т.к. в принципе меняешься очень сильно, потому что работа достаточно напряженная, поэтому с ней еще приобретается необычайный опыт и растешь. Поэтому любое, даже твое кажущееся завоевание хочется изменить через некоторое время. А во сне вздрагиваешь, бывает. Вот постановка в Зальцбурге, "Дон Жуан", была у меня где-то года три-четыре назад, очень такая авангардная, модерновая постановка, где в принципе необязательно учитывались и какие-то артистические таланты, что ли, просто был частью мебели на сцене. Хотя мне там было интересно, я выкатывался на инвалидной коляске с джойстиком таким, с моторчиком, и всю сцену до рукопожатия с командором я пел на кресле, разъезжая по этой огромнейшей сцене в Зальцбурге, в большом зале оперном. Там у меня был настоящий фазан, как бы должен фазанов есть, что очень в принципе опасно, есть опасность захлебнуться этим фазаном, когда поешь. И там вино наливали, это подкрашенная водичка была для меня, вино я не пью. В общем, интересно. С другой стороны, конечно, эффект был скорее всего негативный, что ли, для меня и для публики, тем более я еще был в таком состоянии, не очень оптимистичном, мне было очень неприятно. Может быть хотя некоторым, немногим понравилось, сейчас мне дают картинки на подпись, чтобы я подписал автограф, с этими сценами, мне кажется, очень смешная постановка.

А. КЛИМОВ: Поклонники донимают, поклонницы?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, не донимают.

А. КЛИМОВ: У подъезда дежурят или телефоны обрывают?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, никто мне слава Богу телефоны не обрывает, в принципе, я живу в защищенном обществе. А естественно, когда ты появляешься на сцене, после выступления приходится, конечно, иной раз и час, и больше подписывать автографы, стоять и разговаривать с поклонниками и цами.

А. КЛИМОВ: Когда, если помните, и было ли это, самая долгая овация?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Самая долгая овация вы знаете, только сейчас недавно случилась, как-то свежее впечатление, мне очень было приятно, в Париже очень давно не был. И вместе с Темиркановым исполняли "Иоланту" в театре "Шатле", концертное исполнение, в общем, я пел Роберто, партия очень, знаете, небольшая, кроме арии "Кто может

сравниться, - знаменитая, - с Матильдой моей?", там еще чуть-чуть попеть и все. Но, тем не менее, после этой "Матильды" зал взорвался шквалом аплодисментов, и все остановилось минут на 10, мне было очень приятно, очень трогательно.

А. КЛИМОВ: Скажите, существует ли, я не знаю, можно ли это назвать певческой дисциплиной? Вот Вы говорили, что фазана нужно было на сцене есть, или все-таки Дмитрий Хворостовский, обычный человек, со всеми недостатками? Или все-таки нет, не пить, не курить, горло заматывать шарфом?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Горло я не заматываю, но не пью, не курю точно. И соответственно, дисциплина нужна, т.к. я работаю в очень напряженном режиме. И позволить себе шалости я больше не могу. Когда-то, в более молодом возрасте, я этим занимался, в принципе здоровье мне позволяло. Потом критерии, знаете ли, растут, поэтому я не могу себе позволить петь абы как, потому что каждое выступление для меня очень важно. Я не могу, не имею права. Поэтому и ответственность растет. И очень сложно, волнуешься сильнее. Поэтому я постепенно становлюсь или стал уже рабом своей собственной карьеры, поэтому это очень и очень ответственная работа, тяжелая, тяжелый физический труд, должен быть постоянно в форме, в тренинге, нужно иметь гигантское здоровье. Т.к. приходится иной раз перелетать через океан, петь и адаптироваться к климату, просто иногда физическая, спортивная форма для того, чтобы участвовать в современной постановке, а тем более баритон. Я баритон, мне нужно и фехтовать, и фехтованием я владею очень хорошо, конечно, не в совершенстве.

А. КЛИМОВ: Фехтовать-то зачем?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Практически в каждой второй опере баритон фехтует, понимаете, даже в том же "Дон Жуане", там огромная сцена, где Дон Жуан должен фехтовать. Фехтованию я учился еще в Консерватории, в институте искусств Красноярска, вместе с актерами, куда я ходил, так сказать, факультативно, то, что мне было интересно. И потом, у меня друзья все были из актерского отделения. И мы там фехтовали, особенно когда закрывалась дверь за учителем фехтования, тут уж мы начинали фехтовать, там летели такие искры. Но это конечно мне пригодилось. Потом, по мере продвижения вместе с моей карьерой приходилось фехтовать и двуручным японским мечом, и двуручным мечом тяжеленным средневековым, и саблями, и шпагами, различными палашами, т.е. навыки фехтования у меня имеются в полной мере. Естественно, и какие-то методы сценической борьбы, которые мы тоже проходили еще студентами, это естественно еще укрепилось в связи с моей практикой, потом на одной руке через сцену под колосниками пролетать, тоже нужно, держась, а другой рукой фехтуя, отфехтовываясь.

А. КЛИМОВ: Т.е. каскадер какой-то?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Какие-то элементы каскадерства присутствуют, конечно. Поэтому нужно быть физически сильным, что я и делаю, поддерживаю себя.

А. КЛИМОВ: Вы сами сказали, что у Вас очень плотный график, удастся выбираться на постановки без Вашего участия? Чтобы быть в культурной форме?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, иногда удается, естественно, когда я приезжаю в город, когда у меня отдают постановка, где в основном занимает постановочная часть, от трех дней до нескольких, шести недель, нескольких месяцев, 1,5-2 месяца иные постановки бывают, иные театры именно так планируют, поэтому есть конечно время и позаниматься, и расслабиться, походить на концерты, на спектакли, когда репетируешь, или между спектаклями, то естественно некоторая свобода есть. Нужно обязательно этим заниматься, мне интересно.

А. КЛИМОВ: В кино не приглашали сниматься?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я снимался в кино.

А. КЛИМОВ: В драматической роли?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: В драматической роли ну как, были разговоры, дело в том, что я очень занятый человек, и не то, чтобы разговоры продвинулись дальше, нужны, понимаете, какие-то гарантии, какие-то деловые абсолютно уже отношения, как, зачем, сколько и т.д. Поэтому некоторые разговоры застряли в воздухе, некоторые разговоры муссируются и продолжаются, так что пока еще не знаю. Мне в принципе хватило сделанного "Дон Жуана" на несколько лет, потому что сниматься в кино, сниматься в фильме это большой, тяжелый, тяжелейший труд, который включает еще в себе огромную долю терпения, которой у меня как правило не хватает. Это нужно выбежать на площадку перед камерой, это пару минут сняться и еще два часа ждать.

А. КЛИМОВ: Специфика такая, да.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Специфика такая, а этого я просто позволить себе не могу, поэтому в общем тяжело, тяжеловато, поэтому я стал уважать работу актеров после снятого фильма, вы не представите, насколько больше.

А. КЛИМОВ: Дмитрий Хворостовский политизированный человек или от политики далек?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Вы знаете, живя в нашем обществе, трудно быть далеким от политики, тем более с моими возможностями передвижения по всему миру, общение с разными людьми, подчас и великими людьми, знаменитыми людьми, политиками, королями, принцессами и т.д. Конечно.

А. КЛИМОВ: Вот война в Ираке, самая горячая новость.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Самая горячая новость, настолько горяча для меня была и остается, что я переживаю это также сильно, как и переживают люди, живущие в Америке и в Ираке. Дело в том, что в течение последних 5 месяцев я был в Америке, сначала в Нью-Йорке, потом в Чикаго, и на моих глазах это вся была история с началом войны, с

этой истерией, с этой подготовкой, с этими провокациями и т.д. Поэтому, конечно, это не может не волновать меня.

А. КЛИМОВ: По Вашим наблюдениям, американское общество, оно поддерживает эту войну?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Вы знаете, там применяется такая система, блиц-голосования, которые проводятся едва ли ни каждый день, т.е. каждый день ситуация меняется в зависимости

А. КЛИМОВ: Американцы очень здорово меняют свое мнение в зависимости от выпуска новостей.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Абсолютно верно, т.е. выпуск новостей, телевидение это огромная система, это машина, которая работает безотказно, которая способна делать, убеждать, делать общественное мнение на раз, тем более, что американское общество очень подвержено этому. Общество, как правило, знаете, ведомое подобными машинами, громадными, очень легко сделать такое общественное мнение. К сожалению, хотя в Америке, именно и в той же Америке огромная была, масса демонстраций против войны. И людям откровенно затыкали рот, и откровенно угрожали некоторым, даже знаменитым личностям, актерам, артистам и т.д. И мне это как-то, знаете, напоминало нашу бытность во время развитого социализма в СССР, что-то такое, знаете, страшное.

А. КЛИМОВ: Шквал, буквально шквал сообщений на пейджер, вот в частности Ольга Дмитриевна интересуется: "Расскажите о своих родителях и своей семье".

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Мои родители, отец мой, папа, Александр Степанович, инженер-химик, который еще продолжает работать в Красноярске. Моя мама, Людмила Петровна, сейчас уже на пенсии, она врач. Оба достаточно высокого уровня музыканты, мой отец прекрасно владеет роялем и поет, уже много-много лет он преподает пение тоже, частным порядком. Моя мама обладает великолепным голосом тоже. И когда они познакомились, моя мама была певица, занимаясь пением в медицинском институте Красноярском, мой папа был пианист, пел немножко, начинал в хоре петь, в технологическом институте Красноярска, так они познакомились.

А. КЛИМОВ: Много сообщений из Красноярска, в частности, Саша спрашивает: "Можно ли узнать, когда Дмитрий Хворостовский приедет с концертом в родной Красноярск? Не надо забывать, что он там учился и жил, и нашел свое счастье".

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Планируется приезд в Красноярск, посмотрим.

А. КЛИМОВ: Красноярск, вы слышали? В прямом эфире Дмитрий Хворостовский пообещал, что он приедет в родной Красноярск. Дмитрий спрашивает, есть ли у Вас компакт-диски, надо было слушать нашу рекламу, анонс нашей беседы, там было сказано, что порядка 30 дисков, да, у Вас?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я их не считал, честно говоря.

А. КЛИМОВ: Понятно. Так, продолжаем смотреть пейджер. "Пользуетесь ли Вы дыхательной гимнастикой Стрельниковой?" Галина интересуется.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: А, я знаком со Стрельниковой, много лет, когда я еще был солистом Красноярского театра, мы где-то в Ярославле познакомились со Стрельниковой, и она проводила лекции по своей дыхательной гимнастике. В общем, несколько лет я следовал этой гимнастике, и в принципе, это достаточно эффективная система, которая способна даже исследовать заболевания связок, даже так. Какой-либо постоянной гимнастике я не следую, я считаю, что в принципе сама гимнастика естественное пение, естественная гимнастика пения способна делать чудеса и даже исследовать тоже, если это правильное пение. Поэтому то, чем я занимаюсь, достаточно хорошо поддерживает меня.

А. КЛИМОВ: Еще одно сообщение из Красноярска, Дмитрий пишет: "Мне кажется, я скоро умру от такого счастья, что впервые за последние 5 лет вещания в Красноярске радиостанции "Эхо Москвы" я слышу живого Дмитрия Хворостовского, самого талантливого исполнителя, тем более нашего земляка". Такая вот реплика.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо.

Так, интересуются, не знаю, к Вам этот вопрос или не к Вам, Анна Владимировна интересуется, какова стоимость билетов на Ваш концерт?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Этот вопрос не ко мне, пожалуйста.

А. КЛИМОВ: Так, "Вы любите петь дуэтом", - пишет Ирина. Тут знак вопроса.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: А, это вопрос такой, читайте как вопрос.

А. КЛИМОВ: "Любите ли Вы петь дуэтом? Ирина спрашивает, - Если да, то какая из российских оперных певиц Вам более симпатична?"

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: В принципе, не люблю, не ненавижу, нормально к этому отношусь, приходится петь дуэтом достаточно часто, в принципе я по духу индивидуалист, предпочитаю петь один, если это не в опере.

А. КЛИМОВ: Наталья спрашивает, будете ли Вы встречаться с Ножкиным в Москве, знакомы ли вы?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, мы не знакомы, к сожалению нет. Я надеюсь, мне кажется, что Ножкин приглашен на концерт. Да, он приглашен на концерт.

А. КЛИМОВ: Так, "хорошо, что Вы записали песни на военную тематику, потому что это действительно наша история, и может вызывать только уважение, а не критику. Елена". Тут больше реплик таких.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, спасибо.

А. КЛИМОВ: Благодарят Вас.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо.

А. КЛИМОВ: "Дорогой Дмитрий, несколько минут назад в любви я Вам объяснилась, вот вопрос концерты исполнителей Вашего уровня у нас в соответствующих залах обычно снимает телевидение. А потом по телевидению дают минут на 20-30 фрагменты. Обидно и неприятно. Ирина". Ваш концерт будет сниматься, в каком формате он пойдет по телевидению?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Да, он будет сниматься, причем он будет сниматься, и первая часть, и вторая часть будут сделаны как бы отдельными передачами, потому что первая часть оперная, вторая с военной тематикой. Я надеюсь, что они не будут прерываться, не будут так лимитироваться. Поверьте, что мне это тоже неприятно.

А. КЛИМОВ: Два вопроса о пристрастиях музыкальных, в один их объединю, Александр спрашивает: "Дмитрий, как Вы относитесь к группе Deep Purple", еще раз вопрос был, сейчас долго искать, как Вы относитесь к мюзиклам?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Deep Purple я изучал еще в глубоком детстве, в подростковом возрасте, мы пытались копировать заезженные записи, пытались копировать их песни и в принципе изучали это как хрестоматию, что ли. В свое время, когда у меня было два года перерыва между музыкальной школой и музыкальным училищем, эту свободу в принципе получив, я восполнил это игрой в рок-группе, не очень профессиональной, но тем не менее. И конечно, Deep Purple одна из революционных групп, которые довели рок-музыку до практически симфонического уровня. Я считаю, что с тех пор трудно даже сравнивать какие-то другие группы, которые следовали за этой группой по сложности, по симфоничности, что ли, в музыкальной форме, которая отличала Deep Purple. Deep Purple это всегда были и остаются моими как бы, не знаю, не идолами, но в общем образцами для подражания.

А. КЛИМОВ: А мюзиклы? Я нашел, это Анна спрашивает.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: В принципе, мюзиклы это часть такой нашей привычной популярной классики, к которой я очень хорошо отношусь.

А. КЛИМОВ: В Москве какое-то перерождение получил, вернее рождение, да?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я считаю, что эта ниша восполнилась, потому что в принципе была определенная потребность в таком жанре, тем более что этот жанр очень популярен

во всем мире, поэтому как и следовало ожидать.

А. КЛИМОВ: Вы что-нибудь видели, у нас это хуже, чем на Бродвее?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Я не видел, к сожалению, нет. Я знаю, что стоит сходить на "Чикаго", меня туда приглашали, есть другие мюзиклы, но к сожалению время мое не позволяет, т.к. я приезжаю, обычно работаю, занят очень сильно.

А. КЛИМОВ: Дмитрий спрашивает, есть ли у Вас ученики?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Учеников нет у меня, но мастер-классы я провожу, и в принципе и студенты, и молодые певцы во многих странах ходят за мной, просят о мастер-классах.

А. КЛИМОВ: Так, "есть ли у Вас педагог-репетитор?" - Олег спрашивает. Или Вы сейчас вполне самостоятельно уже можете?

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Вы знаете, я в Красноярске в институте искусств учился у Екатерины Константиновны Иоффе, в течение 5 лет проходя и пройдя удивительную школу, удивительную и несравнимую, несравненную, с какими-либо другими школами, особенно на Западе. И я продолжаю рассказывать о ее уроках, особенно в Америке, мне странно, что в принципе система образования, тем более, система специального образования музыкального абсолютно не такая, как существует и существовала, во всяком случае, у нас в СССР и России. Мы тогда относились к этому, как к должному, но это ведь очень-очень большое достижение, очень большое богатство, чтобы с тобой занимались бесплатно в течение 5 лет 6 раз в неделю, иной раз и 7 раз в неделю, по 2 часа. Люди, в основном студенты, в Америке, допустим, во всем мире, в Англии, в Европе платят огромнейшие деньги за час педагогу своему, вне зависимости от того, насколько ты талантлив и насколько педагог влюблен в тебя, потому что педагогу нужно существовать и жить, в основном, даже в консерваториях, в принципе, во многих консерваториях еще есть дополнительные платные, что ли, платные системы. И я, знаете, до сих пор не могу нарадоваться той возможности, которую я получил еще студентом и мальчиком. И конечно, Екатерина Константиновна Иоффе сделала из меня певца, научила меня быть независимым музыкантом и независимым вокалистом. Т.е. я научен слышать самого себя. И с тех пор, как мы расстались после консерватории, я не занимаюсь ни с кем, продолжаю контролировать свой голос, свою форму сам.

А. КЛИМОВ: Дмитрий Хворостовский был в прямом эфире на "Эхе Москвы", я завершить хочу репликой от Елены: "Дмитрий, знаете ли Вы, что Ваша биография помещена в учебники английского языка для средних школ России?"

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, я не знал об этом.

А. КЛИМОВ: Я тоже не знал, мы проверим эту информацию, имейте в виду. Спасибо.

Д. ХВОРОСТОВСКИЙ: Спасибо вам, до свидания.

